

Евгений Бунимович

Один день из жизни детского омбудсмeна

Мобильник, похоже, сдох.

Хорошо, зарядку захватил.

Звонок.

Особый.

Жена.

— Что с тобой? Что случилось?

— А что со мной случилось?

— Как что? Интерфакс передал: «Бунимович направляется в СИЗО "Измайлово"», и в «Новой газете», в новостях... Звоню, звоню, ты не отвечаешь. Что с тобой? Почему тебя везут в СИЗО?

— Во-первых, не в СИЗО, а в ОВД. И что значит: меня везут? Я сам еду.

— Как сам? Сдаваться?

— Да нет, ты чего. Русские не сдаются. Даже если они евреи.

Вроде панику немного сбил.

Наташу успокаивают не аргументы и факты, а интонация.

— А не отвечаешь почему?

— Отвечаю. Просто все время звонят, не успеваю. И еще эсэмэски, и телега, и в личку. И все на телефоне. Вот только что сообщили: задержанных несовершеннолетних везут в ОВД «Измайлово». Туда и еду — разобраться, что там и как. Я, между прочим, омбудсмен детский. Работа у меня такая.

— Еще скажи «миссия», — кажется, наконец успокоилась, — как эта, коллега твоя, которая вчера по телеку: «моя миссия в том...»

— Нет, не скажу. Миссия — это у нее, миссия — это высоко, в небесах. А у меня работа.

— Вот и мотаешься по околоткам...

Бунимович Евгений Абрамович родился в 1954 году в Москве. Поэт, прозаик, эссеист. Окончил механико-математический факультет МГУ, более тридцати лет преподавал в школе, впоследствии — депутат Московской Думы четырех созывов. В 2009—2019 годах — Уполномоченный по правам ребенка в Москве. Автор полутора десятков книг стихов и прозы, школьных учебников по математике. Лауреат многих литературных премий. Живет в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 5.

* * *

В ОВД «Измайлово» встречают как родного.

— Только вы ошиблись, у нас нет задержанных несовершеннолетних.

Вот журнал дежурного... Можете сами проверить.

Понятно. Оперативная работа. Не зря же они оперативники.

Интерфаксе сообщил, что сюда еду, — ребят тут же перенаправили в другое ОВД. Теперь ищи-свищи.

Хотя чего опасаются? Тоже пугало нашли. Много ли могу?

Булькнул телефон. Новая эсмэска от журналистки, ее тоже замели, они в одном автозаке.

Сначала из «Измайлово» их повезли в «Новогиреево». Но там переполнение. Теперь везут в «Бутырский».

* * *

— Все-таки политические разборки — это удел взрослых. В тех же девяностых путчи были, баррикады в центре Москвы, поперек Садового, на Тверской, а вот подростков особо не припомню. Обошлись как-то без гаврошей на баррикадах.

— А теперь даже с малышами приходят...

— С малышами, вообще с детьми — зачем? Не только на несанкционированных, но даже на самых санкционированных митингах. Народу полно, перекрытия, давка, ребенок может испугаться. А если приспичит — куда деться? Где там выйти? Где найти туалет? Я всегда призываю родителей уж точно не ходить на такие акции с маленькими детьми. Но это их выбор.

— А те, кто постарше? Кому уже 16? 17? Почти 18?

— Ну, конечно, тоже не надо, но тут сложнее... Напомню, что по Конвенции о правах ребенка, которую подписали практически все страны, и Россия из первых, государство должно уважать право ребенка на свободу мысли. Дети имеют право свободно выражать свое мнение, в том числе собираться в группы и т.д. В восемнадцать лет они могут голосовать, выбирать президента, призываются в армию, отдают свой долг государству, а то и жизнь за Отечество... Могут семьи создавать, детей заводить и воспитывать, вообще имеют все взрослые гражданские права. И представить себе, что за год, за месяц, за неделю до этого они еще ни о чем не задумываются, ни в чем не ориентируются, в куклы играют... Так не бывает, конечно.

— Вы сейчас общаетесь с теми подростками, которых задержали. Что они говорят?

— Знаете, ОВД — не самое удобное место для доверительной беседы. Что говорят? Кто-то пришел по приколу, кто-то — за компанию, кто-то просто шел мимо, и вообще запретный плод для подростков сладок. Ну а кто-то четко излагает свои убеждения.

— А как быть с нарушениями? На дорогу выходят, на фонари залезают...

— Здесь нет вопросов. Что нельзя — то нельзя. Другое дело, что учителя, родители должны быть готовы к открытому и уважительному диалогу с ними, даже когда приходится отвечать на самые неполиткорректные вопросы тинейджеров.

А когда мы, взрослые, не отвечаем на эти вопросы, когда отмахиваемся от них, мы теряем доверие. У подростков обострено чувство справедливости, они, быть может, не различают оттенков, часто видят только черное и белое, но...

Да, нельзя залезать на уличный фонарь, в том числе и во время митинга. Но вопрос к нам, взрослым: почему этот парень на Пушкинской, чтоб получить ответы на свои вопросы, лезет на фонарь?

(Это по дороге поясняю азы очередному журналисту. Правовой ликбез. Но куда конкретно сейчас направляюсь — уже не отвечаю. Опыт.)

* * *

ОВД «Бутырский». Пропустили сразу.

Атмосфера вроде спокойная.

В той мере, в какой она может быть спокойной в таком месте и в таких обстоятельствах.

Инспектор по делам несовершеннолетних встретила хмуро. Грубовата, но вроде тетка нормальная, без фанатизма.

— Ну, проходите, коли до нас доехали.

(В переводе: мало мне всех этих сопляков, из-за которых в субботу срочно работать вызвали, так еще этот...)

Папы-мамы потихоньку подъезжают, разбирают своих охломонов.

Так, тут проблема.

Девчонка из Кабардино-Балкарии, из-под Нальчика, только что поступила в университет. Приехала в Москву неделю назад, живет у тети. Без пяти минут студентка, но восемнадцати-то еще нет!

Никак не могла поверить, что по закону она — ребенок, отпустить могут только с кем-то из родителей.

С тетей — только при наличии нотариальной доверенности.

И это не только в околотке. А если, не дай бог, в больнице окажется?

Мама в Нальчике уже бежит к нотариусу.

Нужен подлинник.

Договорились с инспекторшей: отпустят с тетей, как только мама отправит копию по факсу. Клянется, что подлинник вышлет тут же экспресс-почтой.

Тетья, оказывается, давно за забором дежурит, проскочил на входе.

С тощим, долговязым, лохматым отроком, который тоскливо смотрит в давно не мытое окно с непременно фикусом на боку, — сложнее.

Пока я с Нальчиком разбирался, он все сам понял, выхода не видит.

Тоже студент уже, только поступил, компьютерные технологии.

Москвич, но родители за кордоном, на Кипре. На радостях, как сын поступил, отдыхать улетели.

Проводить ночь в больнице на обследовании, куда отправят отсюда, раз нет родителей, не хочет.

Инспекторша, похоже, прониклась.

Сразу почувствовал — нормальная тетка, хмурится для проформы.

Отпустила под мое поручительство.

Тут выяснилось, что есть еще один парень.

Вернулся от следователя.

Ни имени не говорит, ни координат родителей.

Попробовал я, попробовал адвокат.

Смотрит волком, молчит, не раскалывается.

Не все могу.

Не получилось.

Компьютерного студента везем к ближайшей станции метро, по пути увещаваю:

— Сейчас довезем до входа. Дальше сам, сиди дома, не выходи никуда. Ну, по минимуму — в магазин если. Учти — второй раз никто не отмажет...

Молчит.

Похоже, не убедил. А меня, когда таким был, убедило бы?

Захожу с другой стороны:

— Пойми, если нарушишь, попадешься, — других не выпустят под поручительство.

Хмуро, но кивает.

— Приехали. Дальше сам.

Вокруг заборы, ангары, стройки, грузовики, пылица.

Писали, что станцию точно открыли. Может, сразу и закрыли?

Вышел. Озирается:

— Что, здесь метро?

* * *

Как там в киносценариях?

Эпизод третий.

ОВД «Гагаринский».

Стоим перед входом — не пускают.

Жестко. Похоже, новые инструкции получили.

Никакие поручительства теперь не проканоют. Но пустить-то обязаны!

Звоню куда могу.

Пускают. Но только меня.

И адвоката, который подъехал два часа назад.

Пока жду, чтоб провели в комнату к несовершеннолетним, адвокат здесь же, в коридоре, инструктирует задержанных взрослых:

— Значит, так. Или вы мимо проходили, или вы шли на несогласованную акцию.

Это вы сами выбираете. Сколько за первое? Руки поднимите. Есть. Сколько за второе? Тоже есть. Если первое, мимо проходили — дальше так, записывайте, не запомните.

Пишут, кто на чем.

— Если второе — то чрезмерное, неоправданное...

Подошел подчеркнуто вежливый капитан, провожает в комнату для несовершеннолетних.

А там только одна задержанная осталась. Остальных уже отпустили.

Сидит с мамой. Хорохорится. Мама белая вся.

Успокаиваю как могу, стараюсь довести до уровня вменяемости.

Вбегает адвокат. Берет бумаги.

— Так, смотрите. Бумаги типовые, брали с компа, видите, не меняют ничего: «был в толпе, где кричали, скандировали». Первое: род не тот, второе: дата тоже не та. Даже не обновили. Это сейчас не обозначайте. Если вдруг что — будет повод опротестовать. А вот здесь написали: «кричала лозунги». Тут перетяжка! Не соглашайтесь.

* * *

Звонок.

Давняя знакомая. Деятельница искусств. Стопроцентной лояльности. Неужели и у нее?

Да, сын. Этот, похоже, действительно мимо проходил. Секция спортивная, третий год туда ходит.

Но в околотке у них какие-то странности.

Пришлые следователи. Хотят брать слюну, эпителий... На наркотики?

Еще требуют аккаунты, телефоны. Ищут заговор в сети?

Доехать все равно не успею.

— Слушай, это едва ли сработает, но передай трубку.

Какая-то хлестаковщина. А что делать?
Представляюсь. Спокойно. Солидно. Чиновно. С кем имею честь?
Понятно. Сходу меняю тон, максимально грозно:
— На каком основании?!

Пора на выход. Воздух нужен.
Бог мой! Родные места.
Как сразу не заметил, когда подъехал?
Школьный двор — прямо напротив.
Мой школьный двор.
Вторая математическая.
Сколько лет с тех пор, как пришел сюда поступать, в девятый?
Пятьдесят! Даже 51, если быть точным.

* * *

Все пришли из своих школ отличниками, звездами, а здесь выглядели так себе, первые месяцы опасались попросту вылететь из школы. Причем не вследствие какого-нибудь там буйства молодецкого, а тихо и бесславно — не сдав очередной зачет.

Только к октябрю начали осваиваться, и тут в нашем классе появилась новенькая.

Как потом выяснилось, новенькой Наташа была для нас, но не для школы, где уже училась с седьмого класса.

Наташина мама преподавала в школе физику и очень переживала, что дочка не горела особенно ни физикой с математикой, ни лекциями после уроков по опальной тогда литературе Серебряного века.

На олимпиады Наташа тоже не рвалась, зато выиграла районные соревнования по бегу.

— Что ты так переживаешь, — сказал как-то Наташиной маме на перемене учитель литературы, кумир школы, который эти самые опальные лекции и читал. — Красивая девчонка, пускай бегаёт!

Но Наташина мама не переживать не умела.

Наташу это все достало, и она в очередной раз окончательно и бесповоротно решила из школы уходить.

Тут переживаниями мамы проникся и ее новый коллега — тоже учитель физики и наш классный:

— У меня хороший класс, давайте ее к нам!

Наташа согласилась посидеть в новом классе пару дней перед уходом из школы, не подозревая, что этот случайный разговор во многом определит ее жизнь.

Завуч привел Наташу в класс, представил, и она села за последнюю парту, у окна (похоже на плохое кино, но правда).

Литератор не врал — Наташа действительно была самой красивой девочкой в школе.

В то время я был увлечен тонкими, ломкими, чуть угловатыми линиями женских образов раннего Пикассо и даже контрабандой водил экскурсии по французским залам Музея изящных искусств.

Очевидное сходство новенькой с полупрозрачными девушками на любимых полотнах не могло не подействовать.

А поскольку в это время на уроках литературы мы упоенно читали «Войну и мир», даже имя Наташа показалось мне редким и удивительным.

* * *

Внезапную ностальгическую атаку прервал звонок деятельницы искусств.
Надо же. Телефонная хлестаковщина, похоже, сработала: отпустили ребят без слюней и аккаунтов.

Едут домой.

Кстати, и мне пора.

Не судьба.

После митинга пошла «прогулка», винтили в районе Старой площади. И там не без отроков и отроковиц.

Как у них в школьной программе?

Нельзя ли для прогулок подальше выбрать закоулок?

Выбрали: везут аж на Лосиный остров.

Академик, лауреат всех возможных премий, которые зачем-то скороговоркой перечисляет. Нервы, видимо.

— Извините, Ваш номер дали наши общие знакомые (называет). Я бы не стал...

Прерываю:

— Извините, кто? Сын? Дочка? Внук? Племянница? Где?

— Внучка. ОВД «Лосиноостровский».

— О, как раз туда еду. Скиньте имя на телефон. Родители где?

— Сын уже там.

Почему преследует это дурацкое ощущение плохого кино?

Тревожный кадр: тропинка меж черных силуэтов деревьев, за которыми прячутся тусклые фонари, ведет к плохо освещенным воротам околотка.

Часть деревьев — вовсе не деревья.

Силуэты замерших в ожидании людей.

Сослепу не сразу разглядел.

Академиков сын узнал, подошел. Его пока не пустили, просили подождать. Не успевают с оформлением.

Другие подходят:

— Мы воду принесли, передачи...

Начальник встретил, можно сказать, даже любезно, но видно — замотанный, сначала повел в комнату ко взрослым.

Заподозрил неладное, говорю: я по детям. Дети где? Кстати, там есть такая-то (про академическую внучку)?

— Сейчас пройдем, но вы посмотрите сначала у взрослых — все у них есть, вода вот холодная, вот горячая, чай, сушки, даже печенье... Видите: все условия. Скажете тем, на улице?

Пока идем по привычно-казенному, обшитою облезлой фанерой коридору, начальник затевает привычно-казенный, обшитый казенной фанерой разговор: сыты, одеты, обуты, не то, что мы когда-то, что им еще надо?

Столь же привычно мямлю про обостренное чувство справедливости, свойственное этому возрасту, что надо взрослым с ними разговаривать, не затыкать. Вообще, вести себя прилично, не врать, не воровать...

— Ну, вы загнули, — смеется, — еще скажите: не курить, не пить, не...

Тут он сделал паузу, напрягся, вспомнил, наконец, сравнительно приемлемый глагол и смущенно произнес: не трахаться.

— Нет, это... которое последнее, — это можно. Даже нужно! У нас в стране плохо с демографией, земли вон сколько, а людей мало, и детей мало рождается. Тут президент велел как раз наоборот, как можно больше.

— Да ладно. Президент сказал?! Вы серьезно?

— Серьезно. И государство — сказал — поможет. Я вот, кстати, по правам ребенка, а ведь главное право ребенка — на жизнь.

— Ну вы даете, — сказал несколько ошалевший от нашего диалога начальник не то про меня, не то про президента, не то про нас обоих.

— А вот и ваши подопечные, — добавил он и открыл дверь в довольно большую комнату с рядами скрепленных стульев и длинным столом президиума. Наверное, тут у них собрания проходят.

Ребят много. Десятка полтора.

За столами три разновозрастные и разномастные инспекторши (одна даже рыжая), вызывают по очереди, заполняют бумаги. Протоколы задержания. Вроде без административки.

Внучка академика уже с отцом, отпускают... Она не идет, мнется.

— А Филя? Ну поймите, мы просто шли по Маросейке, гуляли. Гуляли просто. Гуляли, — повторяет в третий раз, для убедительности.

Филя тут же, сурово сводит брови над круглыми очочками.

Папаша отводит меня в сторону, шепотом:

— Филя был на учете. Наркота, хотя и снят. Дочка без него не уйдет.

— Понятно. Вы с ней в любом случае лучше выходите, ждите во дворе. Сегодня-то отпустят вашего Филю, но дальше — снова учет и прочее.

— Вы от какого ведомства? — спрашивает подошедший мужик. Он в штатском, но выправка, стрижка... Этот что здесь делает?

— А вы? От какого ведомства?

— Да я военный, при погонах, сын у меня здесь. Вон он. Еле нашел этот ваш Лосиный остров. Тринадцать лет балбесу! Сам не понимаю, как так получилось. Мама с младшим, ему двух еще нет, уехала к врачу. А этот во двор пошел погулять. На часок, — сказал. Мы вообще-то совсем не в центре живем. Как он там оказался...

Пока с военным говорил, приехала мама Фили. Выясняют отношения в углу, у окна. Очень похожи, оба в одинаковых круглых очочках.

Грохнула дверь. Влетает большая, шумная, грудастая, плащ поверх домашнего халата. Младенец в одной руке, испуганная девочка лет семи в другой. Орет на лету:

— У меня грудной на руках, видите, дочка уроки делала, сорвала ее, оставить не с кем, сын вот поехал в секцию, а вы...

Инспекторша:

— Мамаша, успокойтесь. Нам доставили. Не из секции, насколько я понимаю. Мы оформляем. Видите, сколько. Подождите. Заберете.

Мамаша не успокаивается. Все претензии к не самой счастливой жизни теперь обращены на подавшую голос рыжую инспекторшу:

— Государство бы о детях подумало, а не хватало их где ни попадя!

Инспекторша не выдерживает. Небось, тоже вызвали в выходной, а за окном уже ночь:

— Да у меня у самой трое! Вы что, не слышали, что государству наши дети не нужны?! «Сами нарожали...»

Это она про ту провинциальную чиновницу, которую вчера в новостях показали, которая: «Сами нарожали — потом жалуются». Или это в соцсетях было видео?

Смотрю на них обеих. Они тоже очень похожи.

Только без круглых очечков.

Парнишка какой-то, отдельный от всех, сбоку, в последнем ряду.

Рыжая инспекторша кивает — вот, посмотрите, сами не знаем, что с ним делать. Из Белгородской области.

Паренек в спортивных штанах и курточке, в потрепанных кроссовках. Все чуть великовато, на вырост.

Мама где? На работе. Приехать не может. Она в Москве? Да, у нее лоток на Индийской выставке в Сокольниках, работает до 11 вечера! Бабушка едет. У нее есть доверенность? Какая? Объясняю. Нет. Но тогда ей тебя не отдадут. А с ней можно связаться? Нет, телефон у нее сел, а зарядка у мамы. Мама и нужна, чтоб тебя забрать. (Про папу не спрашиваю.) Я звонил, она не может уйти, там товары, материальная ответственность. Никак не может. Дай я с ней свяжусь. Набрал. Мама сразу орать, буду всем жаловаться, я сама юрист, как вы могли. Стараюсь спокойно объяснить, кто я и зачем здесь, что надо делать, приехать с паспортом. Дело хуже. Паспорт у нее в хостеле на Мясницкой, где они поселились, надо сначала туда ехать, а потом уже сюда. Без вариантов. Но когда ж она придет? Это же Лосиный остров. Господи.

Тут только сообразил парня спросить, он-то как сюда попал? Вышел из хостела в булочную — еды купить, мама с бабушкой в Сокольниках, а есть хотелось. Увидел: что-то на площади происходит, людей много, матюгальники, пошел посмотреть поближе. Там и забрали. Правда, не знал? Нет, мы же на три дня только приехали, на выходные, бабушка с мамой на эту ярмарку завербовались, денег заработать, в этом хостеле поселились — посоветовали.

Парень вдруг рванул к дверям. Стой, ты куда?!

А, бабушка его. Тоже орет с порога. Но про другое. Начала почему-то с чурок и хохлов, потом что-то про погибшего мужа. Про то, что приехали на три дня, на похороны заработать, кляла всех. Но без мата.

Внук рядом стоит, за руку дергает, бабушка, ну не надо, что ты им. Смотреть на них невозможно.

Внезапно замолчала. Села у дверей.

Я подсел к ней.

Муж ее — шахтер. Несколько лет работал в Луганске, потом вернулся к ним в Белгородскую область, потом снова уехал. Сказал, что поехал работать под Воронеж, а сам — к друзьям в Донецк, там воевал, они не знали, потом он пропал.

Всегда поздравлял внука с днем рождения, нас всех — с Новым годом, где бы ни был. А тут — ничего. Через год брат его двоюродный увидел в интернете фотку — снайперша украинская, с той стороны, разместила — лежит он, изо рта кровь. Она пишет, там по матери, раздолбала яйца и т.д.

Так и узнали. Я поехала туда, в Донецк. Оказалось, «друзья» засыпали труп, спрятали, не сказали — денежное и прочее довольствие чтоб на него продолжало приходить.

Привезла домой. Ходила по нашим инстанциям — ничего не положено.

Была учителем. Дочка — юристом. Нищета полная.

В Москву приезжают иногда — если подработка есть, и внука одевают на рынке «Садовод». Он в колледж у нас поступил. На электрика.

Мать позвонила — едет на Мясницкую, за паспортом. Значит, здесь будет не раньше часа ночи.

Переглянулись с инспекторшей, она взяла трубку: не надо ехать, пришлите расписку как угодно — эсэмэс, ватсап, что у вас там есть, — что доверяете бабушке забрать внука.

Инспекторша передала мне трубку. Все без толку, там мама в истерике, орет — приеду, все у вас разнесу, сил никаких нет, жизни нет... Не помню, лавку заперла? Вещи там, товары, упрут — не рассчитаюсь никогда. Хорошо, пришлю расписку. Фотку отправлю.

Отвел бабушку в сторону:

— Как вы сейчас поедете? На чем? Возьмите деньги на такси.

— Никогда. Вы что! Мы не побирушки. Я педагог.

— Я тоже, — говорю. — Мы, учителя, — мы коллеги, друг другу должны помогать.

Долго еще она рассказывала, остановиться не могла, про все: про школу, как учила, про дочку, как на юриста не доучилась, родила, про ее спившегося мужа. А вроде хороший сначала был. Растворился.

Взяла, но все просила адрес, чтоб вернуть.

* * *

07.08.2019

Прокуратура Москвы

Адрес. Исх. номер

Уважаемый Евгений Абрамович!

Ваше обращение по факту доставления в территориальные отделы МВД России по районам г. Москвы несовершеннолетних в связи с участием в несогласованном митинге рассмотрено.

Установлено, что в органы внутренних дел доставлено 76 несовершеннолетних, из которых 53 жителя г. Москвы и 23 жителя других субъектов, включая Московскую область.

По результатам проверки в отношении 32 подростков составлены административные протоколы по ст. 20.2 КоАП РФ.

В отношении родителей составлено 7 административных протоколов по ч.1 ст.5.35 КоАП РФ, которые направлены для рассмотрения в КДНиЗП по месту жительства задержанных.

В отношении 37 несовершеннолетних участие в несогласованной акции не подтвердилось.

После разбирательства и проведения профилактической беседы 66 несовершеннолетних переданы родителям и иным законным представителям, 4 помещены в ЦВСНП ГУ МВД России по г. Москве, 6 подростков направлены в медицинские учреждения.

По выявленным нарушениям требований законодательства в органы внутренних дел на основании ст. 24 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» внесено 9 представлений, которые до настоящего времени не рассмотрены.

Жалобы и обращения доставленных и их законных представителей о получении телесных повреждений в Прокуратуру г. Москвы не поступали.

Учитывая изложенное, оснований для принятия иных мер прокурорского реагирования не имеется.

Подпись. Печать.